

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-2-5

УДК 94 (47)

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
apkarimova@mail.ru

Kazakova-Apkarimova, Elena

Doctor of Historical Sciences, leading researcher
of the Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS
(Ekaterinburg, Russia)
apkarimova@mail.ru

Индивидуализация российского провинциального города: образ уральского города в травелоге Д.Н. Мамина-Сибиряка*

Individualization of the Russian Provincial City: The Image of the Ural City in the Travelogue of D.N. Mamin-Sibiryak

Аннотация. В статье подчеркивается научная и практическая значимость исследования культурологической категории «образ города» для гуманитарных наук, что связано с применением понятий «образ» и «имидж» в городском маркетинге. Очевидно, что использование данных понятий значительно углубляет и научные представления о городе, связанные с изучением городского социального пространства и идентичностью горожан, что иллюстрируется анализом публикаций российских и зарубежных ученых. Особое внимание автор уделяет вопросу индивидуальности городов в контексте восприятия и формирования образа города, подчеркивает необходимость исследования образа города в историческом контексте, анализа его эволюции во времени. Поскольку устойчивые образы и идеи, связанные с городом, репрезентируются в индивидуальном творчестве местных литераторов, то автор обращается к

* Для цитирования: Казакова-Апкаримова Е.Ю. Индивидуализация российского провинциального города: образ уральского города в травелоге Д.Н. Мамина-Сибиряка // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 2. С. 712–747. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-5

For citation: Kazakova-Apkarimova, E. “Individualization of the Russian Provincial City: The Image of the Ural City in the Travelogue of D.N. Mamin-Sibiryak.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 2 (2019): 712–747, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-5](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-5)

© Казакова-Апкаримова Е.Ю., 2019

© Kazakova-Apkarimova E., 2019

произведениям одного из наиболее известных уральских писателей, Д.Н. Мамина-Сибиряка, с целью на примере городов Урала конца XIX в. реконструировать представления современников об уникальности или типичности российского провинциального города. Образ культурного ландшафта уральского города, с присущими ему индивидуальными признаками, фиксировался, в частности, в путевых заметках и очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка («От Зауралья до Волги», «По Зауралью»). Автор анализирует описание им социокультурного пространства уральского города, сущностные оценки состояния духовной и материальной культуры, особенности восприятия образа провинциального города и городской субкультуры в ходе российской урбанизации конца XIX в. В данной статье используется метод антропологического анализа текстов (травелогов) на пересечении исследования идентичностей и дискурсов с использованием историко-филологического анализа. В статье аргументируется тезис о том, что Мамин индивидуализирует образы уральских городов. В значительной степени на образ города в восприятии Мамина-Сибиряка повлияли особенности природного ландшафта региона с его реками и горным рельефом. Невозможно преувеличить значение индустриального ландшафта для формирования образа уральского города в творчестве Мамина-Сибиряка. Проявившиеся в травелоге Д.Н. Мамина-Сибиряка бинарные оппозиции («европеизированный город / провинциальный город», «промышленный город или город-завод / город с сельскими чертами», «железнодорожная станция / город вне железнодорожного сообщения») отразили противоречивость исторического процесса и динамику городского развития. Создавая живой, динамичный образ уральского города позднеимперского периода российской истории, Мамин свидетельствует о постепенном преодолении культурной отсталости провинции от столицы в ходе российской урбанизации второй половины XIX в.

Ключевые слова: Уральский город, образ, ландшафт, культура, провинция, травелог, Мамин-Сибиряк.

Abstract. The article emphasizes scholarly and practical significance of studying the cultural category of the image of the city for the humanities, which is associated with the use of the concepts of image and public image in urban marketing. Apparently, the use of these concepts significantly deepens the scientific understanding of the city associated with the study of urban social space and the identity of urban residents, as it is illustrated by the analysis of publications of Russian and foreign scientists. The author pays special attention to the issue of individuality of the cities in the context of perception and formation of the image of a city, emphasizes the need to study the image of a city in a historical context, as well as to analyse its evolution in time. Since sustainable images and ideas related to the city are represented in the individual works of the local writers, the author refers to the works of one of the most famous Ural writers D.N. Mamin-Sibiriyak, using the example of the Ural cities of the end of the 19th century to reconstruct the views of his contemporaries regarding the uniqueness or typicality of the Russian provincial city. The image of the cultural landscape of the Ural city with its inherent individual characteristics was recorded in the travel notes and essays by D.N. Mamin-Sibiriyak (*From Trans-Urals to the Volga, Across the Trans-Urals*). The author analyses his description of the sociocultural space of the Ural city, the essential assessments of the state of spiritual and material culture, especially the perception of the image of a provincial city and the urban subculture during the Russian urbanization of the late 19th century. The article uses the method of anthropological analysis of the texts (travelogues) at the intersection of identity studies and discourses using the historical and philological analysis. The article argues the statement that Mamin personalized the images of the Ural cities. To a large extent, the image of the city in the perception of Mamin-Sibiriyak was influenced by the peculiarities of the region's

natural landscape with its rivers and mountainous terrain. It is impossible to exaggerate the importance of the industrial landscape for the formation of the image of the Ural city in the works of Mamin-Sibiryak. The binary oppositions (Europeanized city / provincial city, industrial city or factory-city / rural city, railway station / city outside railway communication) that appeared in the travelogue of D.N. Mamin-Sibiryak reflected the inconsistency of the historical process and the dynamics of urban development. Creating a lively, dynamic image of the Ural city of the late imperial period of Russian history, Mamin demonstrates the gradual overcoming of the cultural backwardness of the province from the capital during the Russian urbanization of the second half of the 19th century.

Key words: Ural city, image, landscape, culture, province, travelogue, Mamin-Sibiryak

Введение. Тема интерпретации пространства, особенно городского, стала чрезвычайно актуальной вследствие «пространственного поворота» (spatial turn) в современной науке¹. Исследование истории российской провинции сегодня осуществляется в процессе активного поиска теоретико-методологического инструментария для решения новых научных задач. Я.М. Цыганова, в частности, предлагает один из возможных путей и аспектов изучения провинции посредством рассмотрения ее как особого историко-культурного пространства².

Социологи уделяют особое внимание соотношению социального и физического пространства при исследовании феномена города³. Исследователи городской повседневности делают акцент на повседневной материальности, обращаются к действиям людей в пространстве и человеческой деятельности, направленной на изменение самого городского пространства, анализируя при этом преломление городского пространства в сознании людей и трансформацию его в образы. Пространственный подход дополняется имагологическим, создавая новые возможности для урбанистов.

Роберт Парк, в частности, подчеркивает значимость локальных исследований, ориентированных на изучение человека в среде его обитания, реальных жизненных условий⁴. Город предстает неким лабораторным инструментом, рельефнее отражающим особенности человеческой природы и поведения. Однако, если Роберт Парк склонен думать, что город – это особая организация с типичной биографией, что отдельные города обладают достаточным сходством,

¹ Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011. № 1. С. 62–65.

² Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению // Вестник СамГУ. 2013. № 8/2 (109). С. 74–82.

³ Социальное пространство современного города / под ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Уральский университет, 2015.

⁴ Park R. On Social Control and Collective Behavior: Selected Papers. Chicago: The University of Chicago Press, 1967. P. 5.

чтобы экстраполировать знание, полученное об одном городе, на другие города⁵, то другие исследователи сосредоточены на индивидуальности судеб городов и их образов городского пространства⁶.

Отдельно следует отметить понимание пространства Анри Лефевром, известным исследователем повседневности⁷, чьи идеи заслуживают специального рассмотрения. Речь идет о трех видах пространства: материальном, доступном физическому ощущению; репрезентации пространства, осмысленного и концептуализированного; пространстве репрезентации, подразумевающим переживаемые ощущения и эмоции⁸. Образ города рассматривался Лефевром в контексте исследования репрезентации городского пространства и пространства репрезентации.

Гуманитарное осмысление категорий «образ» и «имидж» города имеет научное и практическое значение. Последнее связано с использованием этих понятий в маркетинговых практиках. Одним из главных ресурсов развития города является его имидж. Очевидно, что использование данных понятий значительно углубляет и научные представления о городе, при этом часто исследования в этом направлении ведутся на междисциплинарном уровне (на стыке культурологии, философии, истории и филологии). Так, в своей философско-культурологической диссертационной работе Ю.А. Кузовенкова, анализируя город в идеальном измерении, предметом своего исследования избрала изучение имиджа и образа города как форм исторической реконструкции. Исследованию имиджей и образов как факторов, оказывающих влияние на развитие городов, посвящены работы Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной, В.В. Чихичина. С художественными образами города работали многие предшественники: Н.П. Анциферов, И.М. Гревс, М.С. Каган, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров. Ю.А. Кузовенкова подчеркивает значимость образа города для идентификации человека в культуре, т.к. его формирование связано с процессом самопознания человека (образ города способен репрезентировать своего творца, в нём также представлена культурная идентичность города и эпохи). Исследователь указывает, что, выступая в качестве имиджа, идеальное измерение города является средством решения практических задач (экономических, политических, социальных, духовных), стоящих пред городом. Имидж используется для репрезентации целевой группы и города⁹.

⁵ Park R. On Social Control and Collective Behavior. P. 7.

⁶ Pile S. Real Cities. Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life. London: Sage Publications, 2005.

⁷ Lefebvre H. Everyday life in Modern World. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.

⁸ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.

⁹ Кузовенкова Ю.А. Город в идеальном измерении: от образа к имиджу: дис. ... канд. культурологии. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2009.

Довольно трудно привести единое для гуманитарных наук определение «образ города». А.К. Мокроусова под образом города имеет в виду понятие, связанное с городским социальным пространством и коллективной идентичностью. Она пишет, что, связывая пространство вокруг себя со значимыми событиями как в своей жизни, так и в более широких исторических рамках, человек придает ему определенный смысл, конструирует его, фактически создает пространство, которого не было до того момента, пока человек его не описал тем или иным образом, не включил в ту или иную канву событий. Конструирование социального пространства, полагает исследователь, и есть, в некотором роде, создание его образа. Опираясь на исследования семиотика-архитектора Кевина Линча, широко использовавшего концепт образа города, А.К. Мокроусова обращается к понятию повседневного образа, вслед за зарубежным коллегой переосмысливая, что обобщенный образ города складывается из индивидуальных; несмотря на то, что индивидуальные образы могут сильно различаться, в них всегда оказывается некое ядро, которое и позволяет составить обобщенный образ¹⁰.

А.К. Мокроусова использует лаконичное определение для понятия «образ города», ссылаясь на Эдварда Сойа, утверждавшего, что формы социальных отношений и социальной жизни возникают, развиваются и меняются в материально реальном и социально воображаемом контексте городов. По мнению А.К. Мокроусовой,

социально воображаемый контекст можно назвать синонимом образа города, потому что, действительно, каково бы ни было материальное окружение, в итоге все равно его восприятие и интерпретация очень сильно зависят от знаний людей об этом месте, об исторических, культурных, политических и прочих составляющих, от эмоций, вызываемых этим местом, заключенных в символах и воспоминаниях, соответственно, действия или формирование каких-то убеждений в итоге будут основываться на именно этом социально воображаемом контексте¹¹.

При исследовании образа города важно учитывать достижения зарубежных ученых. Так, американский специалист по городскому планированию Кевин Линч исследовал восприятие городского пространства и формирование образа города. Специалист подчеркнул, что его отдельные элементы воспринимаются не сами по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте. Ученый указывал и на субъективность восприятия образа города, его фрагментарность. Изучая мысленный образ города, Линч уделяет особое внимание ясности, или читаемости, городско-

¹⁰ Мокроусова А.К. Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 3. С. 173–174.

¹¹ Мокроусова А.К. Образы города как ресурс анализа социального пространства. С. 176.

го ландшафта, понимая под этим легкость, с которой части города распознаются и складываются в упорядоченную картину. Линч подчеркивает, что образ обладает для индивида и практической, и эмоциональной важностью. Внимание ученого к ландшафту обусловлено тем, что, по его мнению, запоминающийся ландшафт – это каркас, на котором культура воздвигает свои социально значимые мифы. Линч проанализировал отдельные элементы образа города, например, путь, ориентир, граница. Специалист обратил внимание на значение простора и широты открывающихся видов, зелени и воды как элементов городского ландшафта. Еще один тезис, требующий размышления, – о том, что всякий индивидуальный образ уникален, он охватывает какое-то содержание, которое никогда или почти никогда не передается другим, но при этом он в большей или меньшей степени совпадает с общественным, обладающим в различных типах окружения большей или меньшей обязательностью.

Исследователи придают особое значение самобытности, особой атмосфере и индивидуальности городов. С. Ромашко доказывает, что у индивидуальности городов есть не только «методическая» ценность в виде критерия для сравнения, но и вполне реальная и жизненно важная самооценность для существования города в принципе¹².

Обращаясь к теме уникального и специфичного в городах, тот же Линч рассматривает внешние ориентиры, подмечает склонность людей опираться на систему ориентиров, т.е. воспринимать скорее уникальное и специфическое, чем протяженное и обобщающее. Поскольку использование ориентиров предполагает вычленение одного элемента из множества окружающих, ключевой предметной характеристикой элементов этого типа является единичность, наличие какого-то свойства, уникального и запоминающегося в общем контексте¹³.

В антропологических дисциплинах исследования в области городской культуры интерпретируются двояко: во-первых, изучение культурных явлений ведется в контексте противопоставления городского и деревенского (городской культуры в противовес крестьянской, простонародной); во-вторых, научные изыскания, предметно-тематически связанные с городом, предполагающие анализ городских реалий или образов как самоцель (приуроченность к определенному городу или городам при этом обязательна, поскольку предметом анализа всегда является культурная специфика того или иного города, репрезентируемая в среде его жителей. Своеобразие каждого случая однако не возводится в абсолют, так как культурные тексты различных городов могут проявлять стереотипию на многих уровнях. Второе направление генетически связано с исто-

¹² Мокроусова А.К. Образы города как ресурс анализа социального пространства. С. 175–176.

¹³ Линч К. Образ города / под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

рико-краеведческим направлением, особое исследовательское внимание привлекают городские легенды (предания, связанные с историей города)¹⁴. Устойчивые образы и идеи, связанные с городом, репрезентируются, в частности, в индивидуальном творчестве местных литераторов. В современной науке актуальной представляется разработка понятия городской (локальной) текст. М.Д. Алексеевский, М.В. Ахметова, М.Л. Лурье, например, понимают под локальным текстом систему ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с городом¹⁵.

Исследование художественных образов и мифологем в литературе путешествий является благодатным полем для специальных филологических исследований, в чем преуспели такие специалисты как В.В. Абашев, Е.Г. Власова, Е.А. Макарова. Последняя, в частности, пишет, что литература путешествий – это письмо в движении, порождающее образы стран, городов. Исследователь ссылается на мнение Д.Н. Замятина:

Путешествия – идеальный случай, когда реальность сразу может репрезентироваться и интерпретироваться как образ, так «обнаженное» восприятие вынуждено сразу проводить аккультурацию преодолеваемого географического пространства¹⁶.

Особенностью «литературных путешествий» является включение себя, как мыслящего и чувствующего субъекта, в пространство. Автор воспринимает пространство как источник знаний и одновременно как универсальную среду воплощения авторских чувств¹⁷.

Говоря об исторической составляющей образа города, очевидна необходимость исследования образа города в историческом контексте, анализа его эволюции во времени. На примере городов Урала конца XIX в. можно реконструировать представления современников об уникальности или типичности российского провинциального города, что находило отражение в источниках личного происхождения. Образ культурного ландшафта уральского города с присущими ему индивидуальными признаками фиксировался, в частности, в путевых заметках и очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка («От Зауралья до Волги», «По Зауралю»). Представляется важным проанализировать описание им социокультур-

¹⁴ Антропологический форум № 12. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf (дата обращения 15.10.2018)

¹⁵ Антропологический форум № 12. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf (дата обращения 15.10.2018)

¹⁶ Цитируется по: Макарова Е.А. Сибирские мотивы в произведениях В.Г. Короленко // Литература Урала: история и современность. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург: Уральский университет, 2011. С. 60.

¹⁷ Шпак Г.В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства // Преподаватель. XXI век. 2016. № 3. С. 269–272.

ного пространства уральского города, сущностные оценки состояния духовной и материальной культуры, особенности восприятия образа провинциального города и городской субкультуры в ходе российской урбанизации конца XIX в. В этой связи творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка представляет для урбанистов огромный научный интерес. В данной статье используется метод антропологического анализа текстов (травелогов) на пересечении исследования идентичностей и дискурсов с использованием историко-филологического анализа.

Основная часть

В отличие от русской художественной литературы с присущей ей традицией обезличивания российского провинциального города и использованием символики отсталости, дикости того или иного медвежьего угла, типичности «захолустья», безобразия в городской общественной жизни, невежества его обывателей, удаленности от железнодорожных путей и крупных проезжих трактов¹⁸, в травелог Д.Н. Мамина-Сибиряка делается акцент на индивидуальное начало того или иного уральского города, своеобразие его физиономии и уникальность биографии. Документальная природа травелога и присущая Д.Н. Мамину-Сибиряку историчность мышления, что подчеркивал, в частности, И.А. Дергачев, позволяют реконструировать социоприродную и социокультурную специфику уральского города. И.А. Дергачев указывал на

многогранность личностного авторского восприятия жизни – от научного, логически строгого анализа до ярких живых картин и взволнованных, эмоциональных впечатлений, применение писателем метода художественно-публицистического анализа действительности¹⁹.

Современный исследователь Е.Г. Власова отмечает, что благодаря газетным очеркам Д.Н. Мамина-Сибиряка и журнальным публикациям В.И. Немировича-Данченко открылся собственно журналистский этап уральского травелога, связанный с переосмыслением современности в перспективе создания образа Урала (уральского города, в частности). В отличие от писательского травелога первой половины XIX в., сформировавшего традицию критического (негативного) отношения к современной жизни Урала, в травелог Д.Н. Мамина-Сибиряка появляются иные мотивы. Писатель актуализировал современность 1880-х гг.,

¹⁸ Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 457–482.

¹⁹ Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. Свердловск: Средне-уральское книжное издательство, 1981. С. 49.

включив в путевые очерки журналистские рассказы о текущих событиях местной жизни²⁰.

В диссертации А.В. Бортниковой художественно-документальная разновидность малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. представлена двумя жанровыми формами: очерк-травелог и публицистическая статья, а также их «гибридами» (например, травелог с публицистическим началом)²¹.

А.В. Бортникова отмечает, что стремление к документальной точности, а также к детальному описанию местности, в качестве ярких примет травелога у Мамина согласуется с очерковой спецификой; возникают такие авторские подзаголовки, как записные книжки, путевые заметки, картинки. По ее мнению, «характерной особенностью рассматриваемого жанра является активная позиция автора-повествователя, выражающаяся в его деятельной композиционной роли, а также в эмоциональной окраске повествования»²². Картины природных ландшафтов и человека в них полностью «заслоняют» внутренний мир самого путешественника²³.

К травеложно-очерковым произведениям с публицистическим началом А.В. Бортникова относит «По Зауралью. Путевые заметки» (1887), указывая на использование Маминым-Сибиряком в этом произведении статистических, исторических, публицистических и краеведческо-этнографических материалов²⁴.

Наблюдения, сделанные писателем в непосредственном контакте с реалиями локальной культуры и местными жителями, являются уникальным источником информации о динамическом бытии русской культуры в целом и городской субкультуры Урала во многих ее формах и измерениях в частности.

При исследовании культурного ландшафта Уральского региона или отдельного провинциального города важно учитывать внешнюю точку зрения, представленную заезжими людьми, путешественниками, и внутреннюю, позволяющую зафиксировать процессы мифологизации пространства (например, у Д.Н. Мамина-Сибиряка, прожившего значительный отрезок своей жизни в Екатеринбурге, бытует миф о Екатеринбурге – столице Урала). В.В. Абашев, анализируя ландшафтные описания Урала в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка, указывает на внутреннюю точку зрения писателя по отношению к Уралу – точку зрения внутреннего наблюдателя, хотя коренному уральцу Мамину увидеть Урал в значительной степени помог опыт жизни вдали от него. Пожив вдали от

²⁰ Власова Е.Г. Урал в газетном травелоге С.А. Кельцева // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 33.

²¹ Бортникова А.В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. : поэтика повествования: автореферат дис. ... канд. фил. наук. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 9.

²² Бортникова А.В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. С. 16.

²³ Бортникова А.В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. С. 17.

²⁴ Бортникова А.В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. С. 17.

родины, писатель по-новому увидел «с особенной рельефностью бойкую и оригинальную жизнь» Урала²⁵. «Хотелось отдохнуть, поездить, посмотреть, познакомиться с новыми местами и вообще встряхнуться после зимы, проведенной в Москве», – пишет Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерке «По Зауралью», созданному в результате поездки писателя по Южному Уралу летом 1886 г.²⁶

Методология анализа травелогов в поле культурного пространствования предполагает осмысление путешествия как социокультурного и географического феномена, описание путешествия как формы репрезентации и интерпретации реального культурно-пространственного материала. При этом важно и выявление мотивации путешествия. Мамин пишет о своем «давнем желании» съездить на Южный Урал, «необходимости пожить недели три на кумызе (так в тексте – *Е.К.*)», а главное, подчеркивает путешественник, «объехать Зауралье, именно по тем местам, которые скоро захватит строящаяся линия железной дороги Самара – Уфа – Златоуст». Осознавая значение железнодорожного фактора для эволюции уральских городов, Мамин-Сибиряк пишет:

Важно то, что Зауралье – это наше золотое дно – будет соединено железным путем с Расеей, другими словами, – под наплывом новых веяний и новых людей, каким неизбежно ведет за собой каждый новый железный путь, оно быстро потеряет свою настоящую оригинальную физиономию²⁷.

Формулы оригинальности Зауралья, Урала, культуры отдельных уральских городов проходят лейтмотивом в травелогах Мамина. В значительной степени оригинальность облика городов Урала была связана с природно-культурными особенностями их ландшафта.

А впереди Сопки (Уральской Сопки – *Е.К.*), в глубокой котловине уже вырезались белые церкви и каменные дома Златоуста – вид, действительно, замечательный и невольно поражает своей оригинальностью²⁸.

Самые приятные впечатления у путешественника остались от знакомства с природным ландшафтом, преобразованным человеком:

Мне лично больше всего нравится бойкая горная р. Ай и обступившие ее горы: Косатур, Мис, Паленая, Татарка и т.д. В глубине тяжелыми синими массами поднимается Таганай, разделяющийся на три ветви — малый, средний и большой. Мы долго

²⁵ *Абашев В.В.* Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас. И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 27.

²⁶ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* По Зауралью // Ураловед. URL: <https://uraloved.ru/literatura/proza-ob-urale/mamin-sibiryak-po-zauralyu> (дата обращения 15.10.2018)

²⁷ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* По Зауралью.

²⁸ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* По Зауралью.

гуляли по берегу р. Ай, где за фабрикой вытянулась такая красивая набережная с такими уютными, прелестными домиками²⁹.

Златоуст. 1890-е. Вид на Косотур и нижнезаводской пруд.
<http://aperiodika.ru/page/zlatoust-vid-s-kosotura#cut>

Особенно подчеркивает Мамин индивидуальность и оригинальность Екатеринбурга, «слишком резко отличающегося от всех других городов европейской России». Знарок истории Екатеринбурга объясняет:

Дело в том, — что это город уже с сибирским характером, хотя и не совсем; в городах европейской России главными элементами являются чиновничество, купечество и дворянство, в сибирских городах — купечество и чиновничество, а в Екатеринбурге — центр тяжести лежит исключительно на промышленном классе³⁰.

Мамин-Сибиряк говорит о второй половине XIX в., когда власть горных инженеров «сошла на нет». Писатель создает яркие образы этого города: «красавец-город», «важнецкой город», «коренная столица для всего Урала», «совсем европейский город и даже, может быть, европейский с некоторым излишеством», «город свободный и живет совершенно независимой жизнью», «громадный бойкий город», богатый город с репутацией, особенно среди шулеров, «какого-то Эльдорадо», «бойкий и быстрый промышленный город».

²⁹ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

³⁰ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 2007. Т. 4. С. 372.

Екатеринбург. Вознесенская горка. Фото. Конец XIX – начало XX века.
Фотоархив Института истории и археологии УрО РАН

В сравнительном описании Екатеринбурга и Перми в травелогe Д.Н. Мамин-Сибиряка рельефно выступает культурологическая категория свое/чужое. В первых же строках своего произведения писатель признается:

У каждого человека есть известная слабость: одному нравится Миргород, другому Царевококшайск, третьему Ардатов, а мне больше других городов – Екатеринбург... Если хотите, это даже своего рода патриотизм, – чувство похвальное в каком угодно смысле³¹.

Екатеринбург. Гостиница "Урал". Фото. Начало XX века.
Фотоархив Института истории и археологии УрО РАН

³¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 372.

В травелогe Мамин-Сибиряка создается совсем иной образ российской провинции, лишенный однозначной негативной окраски, привычной для русской художественной литературы. На примере Екатеринбурга писатель утверждает, что «и в далекой провинции можно жить по-европейски»³², с каждым годом, по его мнению, в Екатеринбурге увеличивался контингент людей, которые могут составлять «общество», в настоящем смысле этого слова»³³. Именно в пореформенный период произошли важные изменения в жизни уральской провинции:

Провинция перестает быть той глушью, которая еще так недавно пугала всякого живого человека, почему-нибудь принужденного расстаться с жизнью в столице, тем более, что усовершенствованные пути сообщения все более и более сближают окраины с центром. В недалеком прошедшем все мало-мальски выдающееся из-под общего уровня неизбежно стягивалось в столицы, теперь всякая провинциальная сила найдет себе приложение на месте, если она действительно «сила», а не «пустоцвет»³⁴.

Вместе с тем, писатель далек от идеализации провинции, критикуя отсутствие гласности, полагая, что

специально провинциальные безобразия выведутся тотчас же, как разовьется серьезная местная пресса, а теперь все изобличения должны вестись через столичную печать и попадают в провинцию задним числом³⁵.

Амбивалентность восприятия провинциальности присуща писателю при знакомстве с южноуральскими городами. Писатель акцентирует внимание на провинциальности и даже патриархальности своеобразной культуры жителей Златоуста. В этом путешественник видит и некоторые преимущества, и серьезные недостатки. В частности, говоря о первых, Д.Н. Мамин-Сибиряк замечает:

Тихо и мирно все, не слышно разухабистой песни или пьяного крика, как это бывает по вечерам в настоящих городах < ... > К златоустовским прелестям необходимо прибавить еще необыкновенную дешевизну здешней жизни, как могут жить только люди в приличном отдалении от настоящих благ всепожирающих центров.³⁶

Однако гости быстро почувствовали и некоторые неудобства. Недоразумение произошло, когда старушка-хозяйка квартиры, где остановились путешественники, «наотрез отказалась уделить» гостям что-нибудь из своей трапезы,

³² Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 372

³³ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 372.

³⁴ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 372.

³⁵ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 372–373.

³⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

оказавшейся постной (не хотела староверка выдать им и свою посуду). Выяснилось, что в уездном городе Златоусте не было не только «проезжающих номеров», но ни одной гостиницы или трактира, где можно было бы поужинать³⁷.

Прибегнув к помощи местного аптекаря, писатель осведомился, отчего в Златоусте нигде нет садилов, почему златоустовские немцы бегут из своего гнезда и где пообедать. Благодаря словоохотливости местного жителя выяснились новые обстоятельства городской жизни:

Климат здесь скверный, – объяснял он: – даже овощи не дозревают... Например, бобы или огурцы. Да... Обед вы найдете в клубе и лучше, если вы прямо отправитесь прямо в благородный. Да... Что касается наших немцев, то, видите ли, решительно нечего здесь делать: поневоле уйдешь. Производство везде сокращают, своих промыслов никаких нет. Единственная надежда осталась на железную дорогу, что она нам скажет... От Уфы уже ведут к нам линию, а здесь сейчас гостит целая партия путейских инженеров³⁸.

«Приводя эти мелочи как характеристику житейской обстановки глухого провинциального городка, еще не затронутого даже трактирно-сюртучной цивилизацией», писатель указывает и на другие пробелы в социокультурной жизни Златоуста:

в нем нет также и ни одного средне-учебного заведения: ни гимназии, ни прогимназии, а только одно уездное училище и то, кажется, открыто недавно. Вас это удивляет: целый город и одно уездное училище³⁹.

Говоря о Екатеринбурге, Мамин отмечает «несколько курьезов чисто провинциальной жизни»:

Такой бойкий и быстрый промышленный город, имеющий четыре банка, – государственный, сибирский, камско-волжский и городской, – в то же время не имеет общественной библиотеки и ни одного книжного магазина! Как хотите, а это своего рода unicum⁴⁰.

Понимая важность деятельности в провинции общественных организаций, особенно ученых обществ, писатель указывает на наличие трех ученых обществ в Екатеринбурге: Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), «отделения Императорского технического общества и, кажется еще отделения Общества для содействия русской торговле и промышленности». Используя слова «кажется», писатель отмечает, что последние два общества существовали

³⁷ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

³⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

³⁹ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

⁴⁰ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 375.

лишь на бумаге, а УОЛЕ было весьма ограничено в средствах и существовало благодаря самоотверженной деятельности таких людей, как О.Е. Клер⁴¹. Впрочем, Мамин и здесь является оптимистом, надеясь, что «может быть, дела общества поднимет проектируемая в Екатеринбурге научно-промышленная выставка, открытие которой отложено до 1887 г.»⁴²

Екатеринбург. Городская дума и дом Поклевских-Козелл на Покровском проспекте. Фото. 1910-е годы.
Фотоархив Института истории и археологии УрО РАН

Своеобразие субкультуры Златоуста писатель видел в сочетании в ней элементов собственно городской и горнозаводской культур:

Общее впечатление от этого городка самое мирное и хорошее. Получается что-то среднее между заводом и городом, но все это в маленьких размерах, сколько нужно для 20 тысяч населения⁴³.

Особенности культурного ландшафта этого «города-завода» даны им в нескольких описаниях его «наружной физиономии». Одно из описаний такое:

Впереди большой пруд, в него вдается крутым отрогом гора Косатур, а в глубине опять гора, и последние домики прячутся у ее подножья... Собственно, города еще не видно, а только предместья и часть набережной с собором. На берегу уже красуются заимки или дачи – трудно разобрать – это на ближайшем плане⁴⁴.

⁴¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 375–376.

⁴² Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 376.

⁴³ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

⁴⁴ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

Другой вид на Златоуст:

...впереди заводская плотина, под ней целый ряд фабрик, около собора хорошенькая площадь, прямо – большой управительский дом, который так и глядит хозяином, а дальше правильными рядами вытянулись чистенькие домики, упираясь в гору, которая на заднем плане делает крутой поворот. Впереди тоже гора с часовенкой наверху⁴⁵.

Златоуст. 1890-е. Вид на Собор и плотину завода
<http://aperiodika.ru/page/zlatoust-vid-s-kosotura#cut>

Подробно пишет Д.Н. Мамин-Сибиряк о немецком влиянии на эволюцию городской культуры. Мозаика общей картины вырисовывается при складывании отдельных зарисовок: это и «окна с белыми ставнями» («у немцев научились»), и «дружная немецкая песня» (вечером на заводском пруду доносящаяся с одной из лодок), и описание улицы, заселенной немцами:

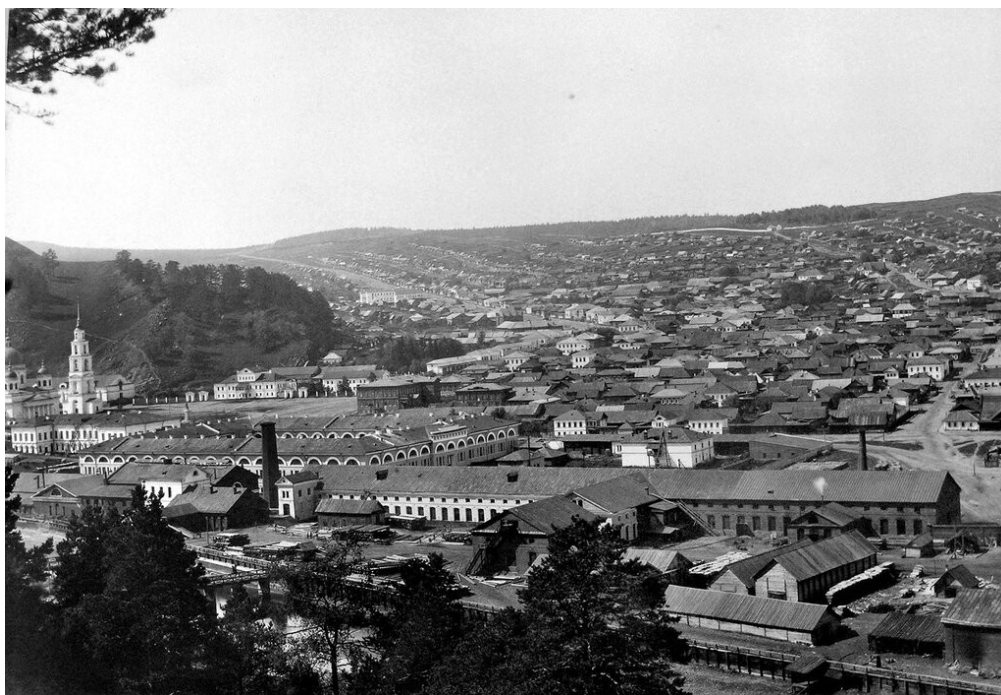
От небольшого рынка в гору идет широкая улица, где устроилась немецкая колония; есть кирка, немного забытая, а по ту сторону пруда – Фриденталь. Златоустовские немцы своим существованием здесь обязаны фабрике холодного оружия, основанной в Златоусте в двадцатых годах настоящего столетия; их выписали из Германии как хороших мастеров, могущих насадить новое производство⁴⁶.

Внешняя атрибутика описывается путешественником с некоторой иронией:

⁴⁵ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

⁴⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

На плотине, где устроен деревянный помост, выдавшийся на сваях в пруд, сидит и гуляет «чистая публика» – несколько дамских шляп, две горноинженерских фуражки и даже какой-то военный мундир. Настоящий город, одним словом, и все «форменно», как говорит наш возница⁴⁷.

Златоуст. 1890-е. Центр города
<http://aperiodika.ru/page/zlatoust-vid-s-kosotura#cut>

По мнению исследователей, на эволюцию уральского города и его образа сильное воздействие оказал железнодорожный фактор. Весьма заметным для современников было влияние Уральской горнозаводской железной дороги на развитие Перми. В Перми оживились предприятия транспортного машиностроения, после того, как в конце 70-х гг. XIX в. в городе были построены главные мастерские Уральской железной дороги, где трудились рабочие, ремонтирующие паровозы и вагоны, изготавливающие запасные части для нужд дороги. Наряду с промышленным развертывалось гражданское строительство, город благоустраивался. Городские власти Перми активно поощряли каменное строительство. Улицы украсили мостовые. В путевых очерках «От Зауралья до Волги» Д.Н. Мамин-Сибиряк отразил это преобразование Перми, отмечаемое и другими современниками: «А Пермь-то как устраивается! – удивлялся какой-то купчик, любуясь с трапа набережной»⁴⁸. Строительство новых домов, каменно-

⁴⁷ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью.

⁴⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 396.

го театра отметил и сам автор, а его герой передавал восхищение других очевидцев:

Ну уж, извините, можно сказать, что даже превознеслась эта самая Пермь от железной дороги... Да! И званья от прежнего не осталось ... Такие домины нагородили, такое везде обзаведенье наладили, – только полюбуйся!⁴⁹

Впрочем, даже критично настроенный в отношении Перми Мамин признавал:

Вид на Пермь действительно хорош. Могучая северная река разлилась здесь громадным плесом, который уходит из глаз; на левом высоком берегу красиво рассыпался самый город: внизу пристани, вокзал железной дороги, а наверху – красуются церкви, дома, домики и просто лачуги⁵⁰.

Заключение

Травелог позволяет понять город не просто как «вещь в себе», но как город, воспринимаемый современниками. Травелог Д.Н. Мамина-Сибиряка показывает многообразие и многоликость пространства уральской провинции. В отличие от А.П. Чехова, высказавшего мнение внешнего наблюдателя о сходстве провинциальных городов России («В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч. Колокола звонят великолепно, бархатно»)⁵¹, Мамин индивидуализирует образы уральских городов. Он выделяет малые города, мало отличающиеся от деревень (например, Оханск), древние города типа Соликамска и Чердыни (со старинной церковной архитектурой), города петровской эпохи (Екатеринбург – коренную столицу Урала), города, представляющие собой нечто среднее между городом и заводом (Златоуст). В значительной степени на образ города в восприятии Мамина-Сибиряка повлияли особенности природного ландшафта региона с его реками и горным рельефом. Невозможно преувеличить значение индустриального ландшафта для формирования образа уральского города.

Мамин раскрывает перед читателем провинцию в динамике: некоторые города приходят в упадок, другие начинают преображаться в пореформенный и последующий периоды. Писатель замечает значительные изменения в культуре городов Урала в середине 1880-х гг., обусловленные ростом городского населения, усилением социальной дифференциации и социокультурной гетерогенности, возрастанием под влиянием научно-технического прогресса значения собственно урбанистических признаков, тесным переплетением элементов традиционной (основанной на религиозных началах) и современной культуры в по-

⁴⁹ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 396.

⁵⁰ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. С. 396.

⁵¹ Чехов А.П. Письмо Чеховым, 29 апреля 1890 г. Екатеринбург // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 1975. Т. 4. С. 70–73.

вседневной жизни горожан, взаимодействием цивилизационных компонентов западного и восточного типов (при очевидном усилении влияния европейского начала), обусловленных евразийским положением региона. Проявившиеся в травелогге Д.Н. Мамина-Сибиряка бинарные оппозиции («европеизированный город / провинциальный город», «промышленный город или город-завод / город с сельскими чертами», «железнодорожная станция / город вне железнодорожного сообщения») отразили противоречивость исторического процесса и динамику городского развития. Создавая живой, динамичный образ уральского города позднеимперского периода российской истории, Мамин свидетельствует о постепенном преодолении культурной отсталости провинции от столицы в ходе российской урбанизации второй половины XIX в.

Introduction

The topic of the interpretation of space, especially urban, has become extremely relevant due to the spatial turn in the modern science.¹ The study of the history of the Russian province today is being carried out in the process of actively searching for theoretical and methodological tools to solve new scientific problems. Ya.M. Tsyganova offers one of the possible ways and aspects of studying the province by considering it as a special historical and cultural space.²

Sociologists pay special attention to the relationship between the social and physical space in the study of the phenomenon of the city.³ Researchers of urban everyday life focus on routine materiality, refer to the actions of people in space and human activities aimed at changing the urban space itself, whilst analysing the refraction of urban space in people's minds and its transformation into images. The spatial approach is complemented by the imagological one, offering new opportunities to urbanists.

¹ I. Mitin, "On the way to imaginary geography: two turns, three spaces" [in Russian], *Topos*, no. 1 (2011): 62–65.

² Ya.M. Tsyganova, "The Russian province of the post-reform era as a historical and cultural space: approaches to the study" [in Russian], *Vestnik SamGU*, vol. 109, no. 8/2 (2013): 74–82.

³ G. B. Korableva and A. V. Merenkov, eds., *Social Space of the Modern City* [in Russian] (Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2015).

Robert Park emphasizes the importance of the local research focused on the study of humans in their environment under real life conditions.⁴ The city appears to be a kind of laboratory instrument, vividly reflecting the peculiarities of the human nature and behaviour. However, while Robert Park is inclined to think that a city is a special organization with a typical biography, and that individual cities have enough similarity to extrapolate the knowledge gained from one city to other cities,⁵ other researchers focus on the individuality of the destinies of the cities and their images of urban space.⁶

The understanding of the space by Henri Lefebvre, a well-known researcher of everyday life,⁷ whose ideas deserve special consideration, should be noted separately. It is about three types of space: material space accessible to physical sensation; representation of space, given a meaning and conceptualized; the space of representation, implying feelings and emotions being experienced.⁸ The image of the city was considered by Lefevre within the context of the study of urban space representation.

Humanitarian understanding of the categories of image and public image of a city is of scientific and practical importance. On the one hand, it is associated with the use of these concepts in marketing practices. One of the main resources in developing the city is its image. It is obvious that the use of these concepts significantly deepens the scientific understanding of the city, and often the research in this area is conducted at the interdisciplinary level (at the intersection of cultural science, philosophy, history and philology). Thus, analysing the city in the ideal dimension, in her philosophical and cultural dissertation work Yu.A. Kuzovenkova, chose to study the image of the city as a form of historical reconstruction. The works of D.N. Zamyatin, N.Yu. Zamyatina, B.V. Chikhichin are devoted to the study of images as the factors that influence the development of the cities. Many predecessors worked with artistic images of the city: N.P. Antsiferov, I.M. Grevs, M.S. Kagan, Yu.M. Lotman, V.N. Toporov. Yu.A. Kuzovenkova emphasizes the importance of the image of the city for the identification of a person in a culture, since its formation is associated with the process of human self-knowledge (the image of the city can represent its creator, it also represents the cultural identity of the city and the era). The researcher points out that, acting as an image, the ideal dimension of a city is a means of solving

⁴ R. Park, *On Social Control and Collective Behavior: Selected Papers* (Chicago: The University of Chicago Press, 1967), 5.

⁵ R. Park, *On Social Control and Collective Behavior*, 7.

⁶ S. Pile, *Real Cities. Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life* (London: Sage Publications, 2005).

⁷ H. Lefebvre, *Everyday life in the Modern World* (New Brunswick: Transaction Publishers, 1990).

⁸ H. Lefebvre, *The Production of Space* (Oxford: Blackwell, 1991).

practical tasks (economic, political, social, spiritual) facing the city. The image is used to represent the target group and the city.⁹

It is quite difficult to give a single definition of the image of the city for the humanities. A.K. Mokrousova has in mind the concept associated with the urban social space and collective identity whilst referring to the image of the city. She writes that by linking the space around them with significant events both in their life and in the wider historical framework, a person gives it a certain meaning, constructs it, in fact creates a space that was not there until the person had described it in one way or another, without including the events in one string of events or another. The construction of a social space, the researcher believes, is, in some way, the creation of its image. Based on the research of a semiotics scholar and an architect Kevin Lynch, who widely used the concept of the image of the city, A.K. Mokrousova refers to the concept of the everyday image, following her foreign colleague, rethinking that the generalized image of the city is made up of individual ones; despite the fact that the individual images can vary greatly, they always have a certain core, which allows you to create a generalized image.¹⁰

A.K. Mokrousova uses a concise definition for the notion of the image of a city, referring to Edward Soja, who claimed that forms of social relations and social life arise, develop and change within the materially real and socially imagined context of cities. According to A.K. Mokrousova,

the socially imaginary context, can be called a synonym for the image of the city, because, as a matter of fact, whatever the material environment, in the end its perception and interpretation greatly depend on people's knowledge about this place, historical, cultural, political and other components, emotions caused by this place, enclosed in symbols and memories; respectively, the actions or the formation of some beliefs will ultimately be based on this socially imaginary context.¹¹

When researching the image of a city, it is important to consider the achievements of foreign scientists. As an example, the American urban planning specialist Kevin Lynch investigated the perception of urban space and the formation of the image of the city. The specialist emphasized that its individual elements are perceived not by themselves, but in relation to the environment, to the chains of events associated with it and to the memory of experience. The scientist pointed out the subjectivity of the perception of the image of the city and its fragmentation. Studying the mental image of the city, Lynch pays special attention to clarity, or readability, of the urban land-

⁹ Yu.A. Kuzovenkova, *The City in an Ideal Dimension: From Image to the Public Image* [in Russian] (PhD diss., Ogarev Mordovia State University, 2009).

¹⁰ A.K. Mokrousova, "Images of the city as a resource for the analysis of social space" [in Russian], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 15, no. 3 (2012): 173–74.

¹¹ Mokrousova, "Images of the city," 176.

scape, meaning by this the ease with which parts of the city are recognized and put into an orderly picture. Lynch stresses that the image has both practical and emotional importance for the individual. The scientist's attention is drawn to the landscape because, in his opinion, the memorable landscape is the framework on which culture erects its socially significant myths. Lynch analysed individual elements of the image of the city, for example, the path, landmark and border. The specialist drew attention to the significance of the scope and breadth of the opening views, the greenery and water as elements of the urban landscape. Another statement that requires reflection is that every individual image is unique, it covers some content that is never or almost never passed on to others, but at the same time it coincides with the public image which has different types of environment binding.

Researchers emphasize the identity, the special atmosphere and individuality of cities. S. Romashko argues that the individuality of the cities has not only a 'methodical' value in the form of a criterion for comparison, but also a very real and vital value for the existence of a city in principle.¹²

Referring to the topic of the unique and specific in the cities, the same Lynch considers external reference points, notices the tendency of people to rely on a system of reference points, that is, to perceive the unique and specific rather than extended and generalizing. Since the use of landmarks involves the isolation of one element from the set of others, the key objective characteristic of the elements of this type is singularity, the presence of some property that is unique and memorable in the general context.¹³

In anthropological disciplines, research in the area of urban culture is interpreted in two ways: first, the study of cultural phenomena is carried out in the context of opposing urban and rural (urban culture versus peasant, common folk); secondly, scientific research that is substantively related to a city, which implies the analysis of urban realities or images as an end in itself (confined to a particular city or cities is obligatory, since the subject of analysis is always the cultural specificity of a city represented among its inhabitants. The peculiarity of each case, however, is not raised to the absolute, since cultural texts of different cities can show stereotypy on many levels. The second trend is genetically related to the historical. The local legends (legends related to the history of the city) attract researchers' attention.¹⁴ The steady images and ideas related to the city are represented in the individual works of local writers. In modern science, the development of the notion of urban (local) text seems to be of interest currently. M.D. Alekseevskii, M.V. Akhmetova, M.L. Lurye, for example, understand a system of mental, speech and visual stereotypes, steady plots and

¹² Mokrousova, "Images of the city," 175–76.

¹³ K. Lynch, *The image of the city* (Cambridge, MA: The MIT Press, 1960).

¹⁴ *Forum for anthropology and culture* [in Russian], no. 12 (2010) http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf

behavioural practices related to any city and relevant to the community, identifying themselves with the city as a local text.¹⁵

The study of artistic images and mythology in travel literature provides bountiful benefits for dedicated philological studies, in which such specialists as V.V. Abashev, E.G. Vlasova, E.A. Makarova succeeded. The latter writes that travel literature is a letter in motion, generating images of countries and cities. The researcher refers to the opinion of D.N. Zamyatin:

Traveling is an ideal case when reality can immediately be represented and interpreted as an image, thus 'naked' perception is forced to carry out the acculturation of the surmounted geographical space straight away.¹⁶

The peculiarity of "literary travels" is the inclusion of oneself as a thinking and feeling subject into the space. The author perceives space as a source of knowledge and at the same time it is a universal environment for rendering the author's feelings.¹⁷

Speaking about the historical component of the image of the city, it is obvious that it is necessary to study the image of the city in a historical context, to analyse its evolution in time. On the example of the cities in the Urals of the late 19th century, it is possible to reconstruct the ideas of contemporaries about the uniqueness or typicality of the Russian provincial city, which was reflected in the sources of personal origin. The image of the cultural landscape of the Ural city with its inherent individual features was recorded in the travel notes and essays by D. N. Mamin-Sibiriyak (*From Trans-Urals to Volga, Across Trans-Urals*). It is important to analyse the description of the sociocultural space of a Ural city, the essential assessments of the state of spiritual and material culture, especially the perception of the image of a provincial city and urban subculture during the Russian urbanization of the late 19th century. In this regard, the work of D.N. Mamin-Sibiriyak is of great scientific interest for urbanists. This article uses the method of anthropological analysis of texts (travelogues) at the intersection of the study of identities and discourses using historical and philological analysis.

Main body

In contrast to Russian literature, with its characteristic tradition of depersonalizing the Russian provincial city and using the symbolism of backwardness, the wild-

¹⁵ *Forum for anthropology and culture*, no. 12 (2010), http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf

¹⁶ Quoted in E.A. Makarova, "Siberian motifs in the works of V.G. Korolenko" [in Russian], in *Ural literature: history and modernity. Issue 6: Historical and cultural landscape of the Urals: literature, ethnicity, power* (Yekaterinburg: Ural'skii universitet, 2011), 60.

¹⁷ G.V. Shpak, "Travelogue: The search for a universal definition. Four strategies for representing space" [in Russian], *Prepodavatel'. XX vek*, no. 3 (2016): 269–72.

ness of a godforsaken place, the typical boondocks, the ugliness in urban public life, the ignorance of its inhabitants, remoteness from railways and highways,¹⁸ D.N. Mamin-Sibiriyak's travelogue focuses on the individual origin of a particular Ural city, the originality of its physiognomy and the uniqueness of the biography. The documentary nature of the travelogue and the historicity of thinking inherent in D.N. Mamin-Sibiriyak, which was emphasized by I.A. Dergachev, allow reconstructing the socio-natural and socio-cultural specifics of the Ural city. I.A. Dergachev pointed out

the many-sidedness of the personal author's perception of life – from scientific, logically rigorous analysis to the vivid living pictures and anxious, emotional impressions, the writer's use of the method of artistic and journalistic analysis of reality.¹⁹

The modern researcher E.G. Vlasova notes that, thanks to D.N. Mamin-Sibiriyak's newspaper essays and V.I. Nemirovich-Danchenko's journal publications, the journalistic stage of the Ural travelogue commenced, which related to the reinterpretation of modernity in the perspective of creating an image of the Urals (the Ural city, in particular). In contrast to the writer's travelogue of the first half of the 19th century, which formed the tradition of a critical (negative) attitude to the modern life of the Urals, other motifs appear in D.N. Mamin-Sibiriyak's travelogue. The writer updated the modernity of the 1880s, including journalistic stories about the current events in the local life in his travel essays.²⁰

In A.V. Bortnikova's thesis, the fictional-documentary variety of short prose by D.N. Mamin-Sibiriyak of the 1880s is represented by two genre forms: essay-travelogue and journalistic article, as well as their hybrids (for example, a travelogue with a journalistic beginning).²¹

A.V. Bortnikova notes that the desire for documentary accuracy and a detailed description of the area as bright characteristics of a travelogue are combined with the essay specifics by Mamin; there are such author's subtitles as notebooks, travel notes, pictures. In her opinion, a characteristic feature of the genre in question is the active position of the author-narrator, expressed in his active compositional role, as well as

¹⁸ A.F. Belousov, "The symbolism of the boondocks (designation of a Russian provincial town)" [in Russian], in *Geopanorama of Russian culture: the province and its local texts* (Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004), 457–82.

¹⁹ I.A. Dergachev, *D.N. Mamin-Sibiriyak. Personality. Works. Critical and biographical sketch* [in Russian] (Sverdlovsk: Sredne-ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981), 49.

²⁰ E.G. Vlasova, "Ural in the newspaper travelogue by S.A. Keltsev" [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, vol. 50, no. 1 (2016): 33.

²¹ A.V. Bortnikova, *Genres of Short Prose by D.N. Mamin-Sibiriyak in the 1880s: Poetics of Narration* [in Russian] (PhD thesis, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2016), 9.

in the emotional colouring of the narrative.²² The pictures of natural landscapes and man in them completely “obscure” the inner world of the traveller himself.²³

A.V. Bortnikova relates *Across Trans-Urals. Travel Notes* (1887) to travelogue essay works with a journalistic element, pointing out the use of statistical, historical, journalistic and local history-ethnographic materials by Mamin-Sibiriyak in such works.²⁴

The observations made by the writer in direct contact with the realities of the local culture and residents are a unique source of information about the dynamic existence of Russian culture in general and the urban subculture of the Urals in many of its forms and dimensions.

When exploring the cultural landscape of the Ural region or a separate provincial city, it is important to take into account the external point of view, represented by visiting people, travellers, and internally, allowing you to record the processes of the mythologization of space (for example, D.N. Mamin-Sibiriyak, who lived a significant part of his life in Yekaterinburg, believed in the myth that Yekaterinburg was the capital of the Urals). V.V. Abashev, analysing the Ural landscape descriptions in the works of D.N. Mamin-Sibiriyak, points to the writer’s inner view in relation to the Urals – the point of view of the inner observer, although the experience of living far away from the Urals helped Mamin, a native of the place, to see the Urals. Having lived away from his homeland, the writer saw anew “with a special prominence, a lively and original life” of the Urals.²⁵ “I wanted to relax, to travel, to see, to get to know new places and generally shake things up after the winter spent in Moscow,” writes D.N. Mamin-Sibiriyak in the essay *Across Trans-Urals* written as a result of the writer’s trip to the South Urals in the summer of 1886.²⁶

The methodology to analyse the travelogues in the field of cultural space studies presupposes comprehension of a journey as a sociocultural and geographical phenomenon, the description of a journey as a form of representation and interpretation of the real cultural and spatial material. It is also important to identify the motivation for the journey. Mamin writes about his “long-time desire” to go to the South Urals, “the need to live for three weeks on *Kumyz*” [the word was used in the original text], and most importantly, the traveller stresses, “to go around the Urals, precisely to those places that will be soon taken over by the Samara-Ufa-Zlatoust railway line that was under construction.” Realizing the importance of the railway factor for the evolution of the Ural cities, the author writes:

²² Bortnikova, *Genres of Short Prose by D.N. Mamin-Sibiriyak in the 1880s*, 16.

²³ Bortnikova, *Genres of Short Prose by D.N. Mamin-Sibiriyak in the 1880s*, 16.

²⁴ Bortnikova, *Genres of Short Prose by D.N. Mamin-Sibiriyak in the 1880s*, 17.

²⁵ V.V. Abashev, “To see the Urals: landscape descriptions by V.I. Nemirovich-Danchenko and D.N. Mamin-Sibiriyak” [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, vol. 50, no. 1 (2016): 27.

²⁶ D.N. Mamin-Sibiriyak, “Across Trans-Urals” [in Russian], *Uraloved*, <https://uraloved.ru/literatura/proza-ob-urale/mamin-sibiriyak-po-zauralyu>.

The important thing was that the Trans-Urals – this was our bonanza – would be connected by railways with Russia, in other words, under the influx of new trends and new people, which accompany every new railway, it will quickly lose its real original face.²⁷

The formulas of originality of Trans-Urals, the Urals and the cultures of individual Ural cities are the leitmotif in Mamin's travelogues. To a large extent, the originality of the appearance of the cities in the Urals was associated with the natural-cultural features of their landscape.

And ahead of Sopka [Ural Sopka], the white churches and stone houses of Zlatoust have already been carved out in a deep hollow – the view is really wonderful and unwillingly striking in its originality.²⁸

The traveller had the most pleasant impressions of his acquaintance with the natural landscape transformed by man:

I personally like the brisk mountain river Ai most of all and the mountains surrounding it: Kosatur, Mies, Palenaya, Tatarka, etc. In the depths, Taganai rises in heavy blue masses, divided into three branches – small, medium and large. We walked for a long time along the Ai river bank, where behind the factory such a beautiful quay with such cosy, charming houses stretched.²⁹

Zlatoust. 1890s. View of Kosotur and Nizhnezavodsky pond.

<http://aperiodika.ru/page/zlatoust-vid-s-kosotura#cut>

²⁷ Mamin-Sibiryak, "Across Trans-Urals".

²⁸ Mamin-Sibiryak, "Across Trans-Urals".

²⁹ Mamin-Sibiryak, "Across Trans-Urals".

Mamin's emphasis is on the individuality and originality of Yekaterinburg, "too sharply different from all other cities in European Russia." The expert on the history of Yekaterinburg explains:

The fact is that this city already bears Siberian character, although not quite; in the cities of European Russia, the main elements are bureaucracy, merchants and nobility, in Siberian cities there are merchants and bureaucrats, however in Yekaterinburg the centre of gravity rests solely on the industrial class.³⁰

Mamin-Sibiryak refers to the second half of the 19th century, when the power of mining engineers "came to naught." The writer creates vivid images of this city: a handsome city, a good city, an indigenous capital for the whole of the Urals, a totally European city and even, maybe, European city with some frills, the city is free and lives a completely independent life, a huge brisk city, a rich city with a reputation, especially among cheaters, of certain Eldorado, a brisk and fast industrial city.

Yekaterinburg. Voznesenskaya Hill. Photograph. Late 19th– early 20th century.
Photo from the archive of the Institute of History and Archaeology of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

In the comparative description of Yekaterinburg and Perm in the travelogue of D.N. Mamin-Sibiryak, a culturological category of own / alien stands out in relief. In the very first lines of his work, the writer confesses:

Every person has a certain weakness: one likes Mirgorod, another Tsarevokokshaisk, the third one prefers Ardatov, and I like Yekaterinburg more than other cities... if you like it, it's even a kind of patriotism – a feeling of praise in any sense.³¹

³⁰ D.N. Mamin-Sibiryak, "From Trans-Urals to the Volga," in D.N. Mamin-Sibiryak, *Complete works* [in Russian] (Yekaterinburg: Bank Kul'turnoi Informatsii, 2007), 4: 372.

³¹ Mamin-Sibiryak, "From Trans-Urals to the Volga," 4: 372.

Yekaterinburg. The Ural Hotel. Photograph. Early 20th century.
Photo from the archive of the Institute of History and Archaeology of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

In the travelogue of Mamin-Sibiriyak, a completely different image of the Russian province is created, devoid of the unequivocal negative colouring that is typical to Russian fiction. On the example of Yekaterinburg, the writer claims that “even in a distant province, one can live in a European way,”³² in his opinion, the cohort of people who could make up the ‘society’ in the true sense of the word increased.³³ It was during the post-reform period that important changes took place in the life of the Ural province:

Forced to part with life in the capital, especially since the improved means of communication were increasingly bringing the suburbs closer to the centre. In the recent past, everything that was a little out of the general level was inevitably squeezed into the capitals, now every provincial force will find its application on the spot if it is really a ‘force’ and not ‘a barren flower.’³⁴

At the same time, the writer is far from idealizing the province, criticizing the lack of publicity, believing that

the provincial disgraces will be specifically developed immediately, as a serious local press will develop, and now all incriminations must be carried out through the capital print and come back to the province.³⁵

³² Mamin-Sibiriyak, “From Trans-Urals to the Volga,” 4: 372.

³³ Mamin-Sibiriyak, “From Trans-Urals to the Volga,” 4: 372.

³⁴ Mamin-Sibiriyak, “From Trans-Urals to the Volga,” 4: 372.

³⁵ Mamin-Sibiriyak, “From Trans-Urals to the Volga,” 4: 372–73.

The ambivalence of provincialism perception is inherent in the writer's works while getting acquainted with the cities of South Ural. The writer focuses on the provinciality and even the patriarchal nature of the unique culture of the inhabitants in Zlatoust. The traveller sees some advantages and serious disadvantages in this. In particular, speaking of the former, D.N. Mamin-Sibiriyak remarks:

Everything is peaceful, you cannot hear a rollicking song or a drunken scream as it happens in the evenings in the real cities; It is necessary to add to Zlatoust charms the unusual cheapness of the local life the way the people in remote places can live, very far from the real benefits of all-devouring centres.³⁶

However, the guests quickly felt some inconvenience. A misunderstanding happened when the old lady in the apartment where the travellers stayed, "flatly refused to give" the guests something from her meal, which turned out to be lean (the old woman did not want to give them her dishes either). It turned out that in the county town of Zlatoust there were no "rooms for passers-by," but neither a single hotel or a tavern where one could have dinner.³⁷

Having resorted to the help of a local pharmacist, the writer inquired why there were no gardens anywhere in Zlatoust, why Zlatoust Germans were fleeing from their 'nest' and where one could dine. Thanks to the talkativeness of a local resident, the new circumstances of the urban life became clear:

The climate is bad here, he explained: even vegetables do not ripen ... For example, beans or cucumbers. Yes ... You will find lunch at the club and better if you go straight to the noble one. Yes ... As for our Germans, then, you see, there is absolutely nothing to do here. It makes you leave. Production is being reduced everywhere, there are no crafts. The only hope left is for the railway, what it will bring us... The railway line is being run from Ufa to our place, and there are now a whole lot of railway engineers staying here.³⁸

"Citing these little things as a characteristic of the everyday situation of a remote provincial town, not yet affected even by the tavern-frock-coat civilization," the writer points to the other gaps in the socio-cultural life of Zlatoust:

There is also no secondary school: neither a gymnasium, nor a primary gymnasium, but only one county school and it seems to have been opened recently. It surprises you: only one uyezd (parish) vocational school for the entire city.³⁹

³⁶ Mamin-Sibiriyak, "Across Trans-Urals".

³⁷ Mamin-Sibiriyak, "Across Trans-Urals".

³⁸ Mamin-Sibiriyak, "Across Trans-Urals".

³⁹ Mamin-Sibiriyak, "Across Trans-Urals".

Speaking of Yekaterinburg, Mamin notes “a few curiosities of a purely provincial life”:

Such a brisk and fast industrial city, which has four banks – the state, the Siberian, the Kama-Volga and the city ones – yet at the same time it does not have a public library and not a single bookstore! As you wish, however this is kind of unique.⁴⁰

Understanding the importance of social organizations in the provinces, especially academic societies, the writer points to the availability of three scientific societies in Yekaterinburg: the Urals Society of Natural Science Lovers (USNSL), “branches of the Imperial Technical Society and, it seems, also branches of the Society to promote Russian trade and industry.” Using the words “it seems,” the writer notes that the last two societies existed only on paper, and USNSL was very limited in funds and existed thanks to the dedicated activities of people like O.E. Kler.⁴¹ However, Mamin is an optimist here too, hoping that “maybe the scientific industrial exhibition being projected in Yekaterinburg, which will be delayed until 1887, will improve the society’s affairs.”⁴²

Yekaterinburg. City Council and the house of Poklevsky-Kozell
in Pokrovsky Avenue. Photograph. 1910s.

Photo from the archive of the Institute of History and Archaeology of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The writer saw the uniqueness of the subculture of Zlatoust in combining the elements of urban and mining factory cultures in it:

⁴⁰ Mamin-Sibiryak, “From Trans-Urals to the Volga,” 375.

⁴¹ Mamin-Sibiryak, “Across Trans-Urals”.

⁴² Mamin-Sibiryak, “Across Trans-Urals”.

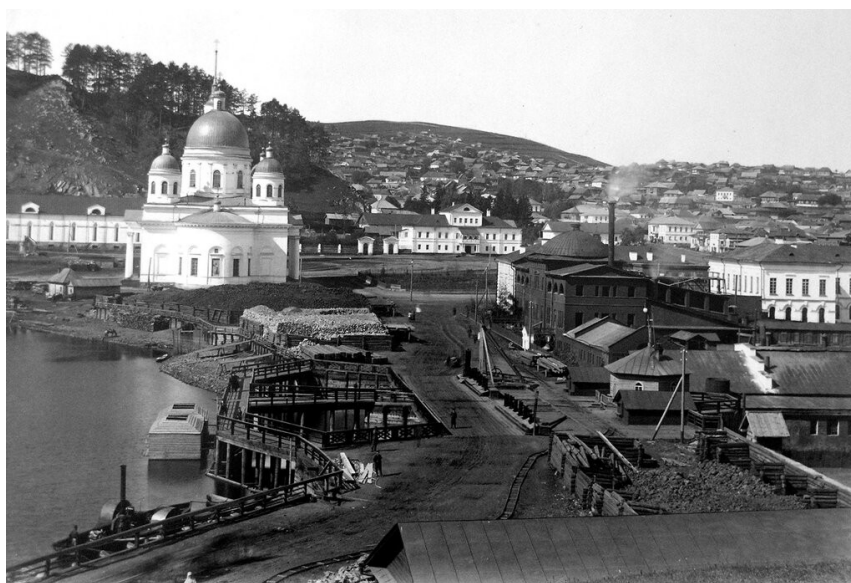
The overall impression of this town is the most peaceful and good. It is something in between a factory and a city, but all this is as small as is necessary for 20 thousand people.⁴³

The peculiarities of the cultural landscape of this “city-factory” are given to them in several descriptions of its “external physiognomy.” One of the descriptions runs as follows:

There is a big pond in front, Mount Kosatur presses into it, and in the depths, there is a mountain again, and the last houses hide at its foot ... As a matter of fact, the city is not visible yet, but only the outskirts and part of the embankment with the cathedral. Small settlements or dachas are already built on the shore – it is difficult to make it out – as this is in the foreground.⁴⁴

Another view of Zlatoust:

... in front of the factory dam, underneath there is a number of factories, a pretty square near the cathedral; on the right there is a big management house, which looks like a landlord, and then neat houses stretched in regular rows, resting on the mountain that makes a sharp turn in the background. Ahead, there is also a mountain with a chapel on its top.⁴⁵

Zlatoust. 1890s View of the Cathedral and the plant dam
<http://aperiodika.ru/page/zlatoust-vid-s-kosotura#cut>

D.N. Mamin-Sibiryak writes in detail about the German influence on the evolution of the urban culture. The mosaic of the bigger picture is silhouetting itself whilst adding separate sketches: these are the “windows with white shutters” (“they have learned from the Germans”), and “a friendly German song” (reaching from one of the

⁴³ Mamin-Sibiryak, “Across Trans-Urals”.

⁴⁴ Mamin-Sibiryak, “Across Trans-Urals”.

⁴⁵ Mamin-Sibiryak, “Across Trans-Urals”.

boats in the evening at the factory pond), and a description of the street populated by Germans:

From a small market a wide street goes uphill, where a German colony has settled; there is a pickaxe, a bit forgotten, and on the other side of the pond – there is Friedental. The Zlatoust Germans owe their existence to the factory of cold arms, based in Zlatoust in the 1820s; they were ‘ordered’ from Germany as good craftsmen who could spread the new production.⁴⁶

The external attributes are described by the traveller with some irony:

On the dam, where a wooden platform is built, which stood out on the stilts in the pond, sits the “cleaned audience” – several ladies’ hats, two mining engineering caps and even some military uniform. A real city, in one word, and everything is being “shaped,” as our coachman would say.⁴⁷

Zlatoust. 1890s. City center
<http://aperiodika.ru/page/zlatoust-vid-s-kosotura#cut>

According to the researchers, the evolution of the Ural city and its image was strongly influenced by the railway factor. The influence of the Ural mining and metallurgical railway on the development of Perm was very noticeable for the contemporaries. Enterprises of transport engineering revived in Perm. In the late 1870s, the main workshops of the Ural Railway were built in the city, where the workers la-

⁴⁶ Mamin-Sibiriyak, “Across Trans-Urals”.

⁴⁷ Mamin-Sibiriyak, “Across Trans-Urals”.

boured, repairing the locomotives and cars, manufacturing spare parts for the needs of the road. Along with the industrial construction of civil engineering, the city was improving. The city authorities of Perm actively encouraged the stone construction. The pavements decorated the streets. In the travel sketches *From Trans-Urals to the Volga*, D.N. Mamin-Sibiryak reflected this transformation of Perm, which is also celebrated by his other contemporaries: “However, it appears that Perm is somehow being rearranged! – Some merchant was surprised, admiring from the ramp of the embankment.”⁴⁸ The construction of new houses, the stone theatre, was also noted by the author himself, and his character conveyed the admiration of other eyewitnesses:

Well, I beg your pardon, we can say that this very Perm has a sense of grandeur about itself owing to this railway ... Indeed! Not even the former name remained ... There are the houses piled up, with the equipment established everywhere – just look at it!⁴⁹

However, even Mamin, who was critical of Perm, admitted:

The view of Perm is good indeed. The mighty northern river has overflowed here with an enormous reach that sink out of sight; on the left high bank, the city itself is scattered beautifully: at the bottom of the pier, near the railway station and on the top, there are churches, houses, cottages and just shacks.⁵⁰

Conclusion

The travelogue makes it possible to understand the city not just as a “thing in itself,” but as it was perceived by the contemporaries. D.N. Mamin-Sibiryak’s travelogue shows the diversity and variety of the space of the Ural province. Unlike A.P. Chekhov, who expressed the opinion of an external observer about the similarities of the provincial cities of Russia (“In Russia, all cities are the same. Yekaterinburg is the very same as Perm or Tula. It looks like Sumy and Gadyach. Bells ring great, velvety”⁵¹), Mamin personalizes the images of the Ural cities. He distinguishes small towns, which differ little from villages (for example, Okhansk), the ancient cities such as Solikamsk and Cherdyn (with the old ecclesial architecture), cities built under Peter the Great era (Yekaterinburg, the original capital of the Urals), cities that are a cross between a city and a factory (Zlatoust). To a large extent, the image of the city in the perception of Mamin-Sibiryak was influenced by the peculiarities of the region’s natural landscape with its rivers and mountainous terrain. It is impossible to exaggerate the significance of the industrial landscape for the formation of the image of the Ural city.

⁴⁸ Mamin-Sibiryak, “From Trans-Urals to the Volga,” 396.

⁴⁹ Mamin-Sibiryak, “From Trans-Urals to the Volga,” 396.

⁵⁰ Mamin-Sibiryak, “From Trans-Urals to the Volga,” 396.

⁵¹ A.P. Chekhov, A letter to the Chekhovs, April 29, 1890, Yekaterinburg, in A.P. Chekhov, *Complete Works and Letters* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1975), 4: 70–73.

Mamin reveals the province to the reader in dynamics: some cities are in decline, others are beginning to transform in the post-reform and subsequent periods. The writer notices significant changes in the culture of the cities in the Urals in the mid-1880s, due to the growth of the urban population, increased social differentiation and sociocultural heterogeneity, the increasing value of urban characteristics under the influence of scientific and technological progress, the close intertwining of traditional elements (based on religious principles) and modern culture in everyday life of citizens, the interaction of civilizational components of the western and eastern types (with an obvious empowerment of the European origins), due to the Eurasian position of the region. The binary oppositions represented in D.N. Mamin-Sibiryak's travelogue (Europeanized city / provincial city, industrial city or factory / rural city, railway station / city outside railway communication) reflected the inconsistency of the historical process and the dynamics of urban development. Creating a lively, dynamic image of the Ural city of the late imperial period in Russian history, Mamin testifies to the gradual overcoming of the cultural backwardness of the province from the capital during the Russian urbanization of the second half of the 19th century.

Литература

Абашев В.В. Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 25–31.

Антропологический форум № 12. URL: // http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf

Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.457–482.

Бортникова А.В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. : поэтика повествования: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. 26 с.

Власова Е.Г. Урал в газетном травелогe С.А. Кельцева // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 32–39.

Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. Свердловск: Средне-уральское книжное издательство, 1981. 333 с.

Кузовенкова Ю.А. Город в идеальном измерении: от образа к имиджу: дис. ... канд. культурологии. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2009. 153 с.

Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Макарова Е.А. Сибирские мотивы в произведениях В.Г.Короленко // Литература Урала: история и современность. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург: Уральский университет, 2011. С. 59–72.

Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 2007. Т. 4. С. 370–401.

Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью // Ураловед. URL: // <https://uraloved.ru/literatura/proza-ob-urale/mamin-sibiryak-po-zauralyu>

Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011. № 1. С. 62–73.

Мокроусова А.К. Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. № 3. 2012. С.173–181.

Социальное пространство современного города / под ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Уральский университет, 2015. 252 с.

Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению // Вестник СамГУ. 2013. № 8/2 (109). С. 74–82.

Шпак Г.В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства // Преподаватель. XXI век. 2016. № 3. С. 269–272.

Lefebvre H. *Everyday life in the Modern World*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. 206 p.

Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.

Park R. *On Social Control and Collective Behavior / Selected Papers*. Chicago; London: Phoenix Books; The University of Chicago Press, 1967. 274 p.

Pile S. *Real Cities. Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life*. London: Sage Publications, 2005. 216 p.

References

Abashev, V.V. “Uvidet' Ural: landshaftnye opisaniya Vas. I. Nemirovicha-Danchenko i D.N. Mamina-Sibiriyaka” [To see the Urals: landscape descriptions by V.I. Nemirovich-Danchenko and D.N. Mamin-Sibiriyak]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, vol. 50, no. 1 (2016): 25–31. (In Russian).

Antropologicheskii forum [Forum for anthropology and culture]. No. 12 (2010), http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf. (In Russian).

Belousov, A.F. “Simvolika zakhlost'ya (oboznachenie rossiiskogo provintsial'nogo goroda)” [The symbolism of the boondocks (designation of a Russian provincial town)]. In *Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty* [Geopanorama of Russian culture: the province and its local texts], 457–82. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. (In Russian).

Bortnikova, A.V. *Genres of Short Prose by D.N. Mamin-Sibiriyak in the 1880s: Poetics of Narration*. PhD thesis, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2016. (In Russian).

Dergachev, I.A. *D.N. Mamin-Sibiriyak. Lichnost'. Tvorchestvo. Kritiko-biograficheskii ocherk* [D.N. Mamin-Sibiriyak. Personality. Works. Critical and biographical sketch]. Sverdlovsk: Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. (In Russian).

Korableva, G. B., and A. V. Merenkov, eds. *Sotsial'noe prostranstvo sovremennogo goroda* [Social Space of the Modern City]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2015. (In Russian).

Kuzovenkova, Yu.A. *The City in an Ideal Dimension: From Image to the Public Image*. PhD diss., Ogarev Mordovia State University, 2009. (In Russian).

Lefebvre, H. *Everyday life in the Modern World*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.

Lefebvre, H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991.

Lynch, K. *The Image of the City*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1960.

Makarova, E.A. “Sibirskie motivy v proizvedeniyakh V.G.Korolenko” [Siberian motifs in the works of V.G. Korolenko]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'. Vyp. 6: Istoriko-kul'turnyi*

landshaft Urala: literatura, etnos, vlast' [Ural literature: history and modernity. Issue 6: Historical and cultural landscape of the Urals: literature, ethnicity, power], 59–72. Yekaterinburg: Ural'skii universitet, 2011. (In Russian).

Mamin-Sibiryak, D.N. “Ot Zaural'ya do Volgi” [From Trans-Urals to the Volga]. In Mamin-Sibiryak D.N. *Polnoe sobranie sochinenii*, tom 4 [Complete works, vol. 4], 370–401. Yekaterinburg: Bank Kul'turnoi Informatsii, 2007. (In Russian).

Mamin-Sibiryak, D.N. “Po Zaural'yu” [Across Trans-Urals]. *Uraloved*. <https://uraloved.ru/literatura/proza-ob-urale/mamin-sibiryak-po-zauralyu> (In Russian).

Mitin, I. “Na puti k voobrazhaemoi geografii: dva povorota, tri prostranstva” [On the way to imaginary geography: two turns, three spaces]. *Topos*, no. 1 (2011): 62–73. (In Russian).

Mokrousova, A.K. “Obrazy goroda kak resurs analiza sotsial'nogo prostranstva” [Images of the city as a resource for the analysis of social space]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 14, no. 3 (2012): 173–81. (In Russian).

Park, R. *On Social Control and Collective Behavior: Selected Papers*. Chicago: The University of Chicago Press, 1967.

Pile, S. *Real Cities. Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life*. London: Sage Publications, 2005.

Shpak, G.V. “Travelog: poisk universal'noi definitsii. Chetyre strategii reprezentatsii prostranstva” [Travelogue: The search for a universal definition. Four strategies for representing space]. *Prepodavatel'. XXI vek*, no. 3 (2016): 269–72. (In Russian).

Tsyganova, Ya.M. “Rossiiskaya provintsiya poreformennoi epokhi kak istoriko-kul'turnoe prostranstvo: podkhody k izucheniyu” [The Russian province of the post-reform era as a historical and cultural space: approaches to the study]. *Vestnik SamGU*, vol. 109, no. 8/2 (2013): 74–82. (In Russian).

Vlasova, E.G. “Ural v gazetnom traveloge S.A. Kel'tseva” [Ural in the newspaper travelogue by S.A. Keltsev]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, vol. 50, no. 1 (2016): 32–39. (In Russian).